

УДК 820:\89.0

З.И. Плех

ПОВЕСТЬ Ч. АЙТМАТОВА "ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!" В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ 60-Х ГОДОВ

В работе рассмотрена повесть Ч. Айтматова "Прощай, Гульсары!" в контексте повестей 60-х годов с точки зрения развития жанра, появления новых форм повествования и поиска нового героя времени.

Повесть Ч. Айтматова "Прощай, Гульсары!" занимает особое место в развитии многонациональной советской литературы 60-х годов. Это одно из произведений, подтверждающих вывод М. Кузнецова о том, что "повесть ищет и находит в жизни героя наших дней. Повесть ищет и новую форму повествования о современности. В повести проявляются новые черты сегодняшнего процесса литературы" [1]. Следовательно, повести Ч. Айтматова "Прощай, Гульсары!" свойственна, во-первых, новая форма повествования, во-вторых, в ней идут поиски героя наших дней.

Что же подразумевается под новой формой повествования? Многие исследователи, делая выводы о необычности структуры того или иного произведения, по-разному оценивают эти изменения. Так, Л. Лейдерман в работе "Движение времени и законы жанра" отмечает сдвиги, наблюдавшиеся в субъективной организации философско-психологической повести начала 60-х годов. Он отмечает своеобразие раздвоения героя. "Субъект сознания оставался один, сохранилась монологичность повествования, но фактически уже шел диалог между разными историческими опытами, разными уровнями развития личности" [2].

В повести "Прощай, Гульсары!" действительность изображается через призму восприятия Танабая Бакасова. В зависимости от опыта героя, разного уровня развития его личности передается история страны, история народа. В этом Л. Лейдерман видит "романтизацию" современной повести [3]. Такой же точки зрения придерживается А. Марченко. Современная повесть, сохраняя структурные элементы, традиционно свойственные ей самой, добивается емкой содержательности за счет количественного наращивания этих элементов. Тем самым происходит обогащение повести опытом романа.

С другой стороны авторы "Истории русского советского романа" делают вывод о том, что становление нового типа современного романа происходит за счет всесторонне развивающегося в эти годы жанра повести [6]. М. Кузнецов, занимаясь исследованием проблем современного романа, заявляет: "Мы уверены, что ближайшее развитие современного романа будет теснейшим образом связано с теми завоеваниями, которых сегодня добивается повесть" [7].

Действительно, в повести 60-х годов расширился диапазон охвата событий, повесть очень глубоко и настойчиво выявляет болевые точки современности, основные противоречия времени. Может быть, это и повлекло за собой становление социально-философского романа, героем которого, как и героем повести, становится социально-активная личность, герой наших дней, представленный в повести Ч. Айтматова "Прощай, Гульсары!".

Однако, можно ли этого героя считать открытием писателя? Углубленное изучение современного литературного процесса подводит к выводу, что большое

влияние на становление образа Танабая Бакасова оказал опыт М. Шолохова. Наблюдается творческая переключка между М. Шолоховым и Ч. Айтматовым в образах Макара Нагульнова и Танабая Бакасова. Вслед за Шолоховым, учась у него, развивая и творчески переосмысливая художественный опыт, Айтматов изображает богатство души человека труда, его творческое начало, способность к большим человеческим чувствам, высоким нравственным идеалам.

Гибнет Макар Нагульнов, но остается Танабай Бакасов, которому судьбой и временем дано с высот нашего дня взглянуть на пройденный нелегкий путь коллективизации, на трудности послевоенного строительства в деревне, увидеть то, что только намечалось, казалось скоро проходящим, временным" [8].

При этом историческая ретроспектива дает дополнительный жизненный материал, возможность глубоко и всесторонне осмыслить важнейшие события времени. "Художественное время повести спрессовано, сжато, оно реализуется через судьбу Танабая, неслучайно в повести много раз появляется метафорический образ времени, летящего как пуля, промчавшегося как иноходец" [9].

Танабай Бакасов – сын своего времени. Он прожил сложную, трудную жизнь: комсомольская юность, коллективизация, Великая Отечественная война, трудные послевоенные годы. Это вехи истории, отмеченные героизмом и мужеством, радостью и горем, верой и отчаянием. Вместе с другом Чоро, создавая колхоз, Танабай становится "могильщиком старины": раскулачивает богатеи, ведет борьбу со всем, что связано в представлении героя со старой жизнью. Не пожалел Танабай даже своего брата Кулубая, середняка, поспешая к новой жизни, как поспешал к мировой революции шолоховский Макар Нагульнов. "В списке раскулачивания оказался и Кулубай... Идти надо было против брата... Сказать: не троньте его, но тогда как с другими быть – у всякого найдется защитник, родственник. Сказать: решайте сами – подумают, что в кусты прячется. Люди ждали, что он скажет. И оттого, что ждали, в нем нарастало ожесточение. –Ты, Чоро, всегда так!... заговорил он, поднявшись. -В газетах пишут о книжных людях, как их там интеллигенты. Ты тоже интеллигенты. Ты вечно сомневаешься? Раз в списке – значит, кулак! И никакой пощады! Ради советской власти я отца родного не пожалею. А то, что он брат мой, пусть вас не смущает. Не вы, так я сам раскулачу его". Хотелось Танабаю до конца быть чистым перед людьми и своей совестью. Но люди не поняли и не приняли жертвы Танабая, жестоко осудили односельчане его поступок.

Если у шолоховского героя не было перспективы оглянуться назад, то Танабая жизнь заставляет вынести суровый приговор своей прежней жестокости и горячности. Смерть иноходца Гульсары, обида, нанесенная Танабаю, испытанное чувство одиночества, и, главное, мудрость, пришедшая с годами, помогают герою прозреть, понять, что любая жестокость влечет за собой расплату. "Левацкие загибы" айтматовского героя оборачиваются против него самого. Но в молодости не признавал, не понимал этого Танабай. В труде он видел смысл своей жизни. Всегда был, там, где труднее всего, где требовались самоотреченность, честность, ответственность за доверенный участок работы. Нужно было – работал в кузнице, потом в табуне. Потребовалось – пошел в отару, устранять прорыв. Не видя еще овец, не зная, чем их будет кормить, он дает липовое обещание, как учил Чоро, "получить и сохранить по 110 ягнят от каждых ста маток и настричь по 3 кг шерсти с головы". Танабай верит в пользу этого обещания. Необходимо зажечь, всколыхнуть всех, увлечь за собой, ведь

стране так необходимы мясо и шерсть. Сутками не выходит Танабай из кошары. Уморил работой и себя, и жену с детьми. Чувствовал, догадывался, что не сможет выполнить обещанного, ныла душа, исходило слезами сердце, потому что у Танабая слово не расходилось с делом. С еще большей злостью накидывался на работу. Высох, почернел Танабай, сомнения стали закрадываться в душу: правильно ли поступает, так ли живет. Дырявая, прокопченная юрта, доставшаяся от старика Торгоя, напомнила его увлечение "левым" лозунгом: "однажды выступил ... на комсомольском собрании с речью о ликвидации юрт. Услышал откуда-то, что юрта должна исчезнуть, что юрта – дореволюционное жилье. "Долой юрту! Хватит жить по старинке". И раскулачивали юрту ... И вот пришло возмездие. Целыми днями чинила, латала юрту Джандар, "приводила ее в жилой вид, а через неделю-другую снова расползлась квелая кошма, снова зияли прорехи, задувал ветер, сыпал снег, протекал дождь. И опять жена принималась за починку, и конца этому не было видно.

Нагульнову, обожевляющему домашних кур, помогает понять левацкие загибы статья Сталина "Головокружение от успехов". Танабаю приходится это понять, выстрадать на собственном опыте, на примере собственной жизни. А жизнь оказалась щедрой на "подарки". Не выдерживает трудностей Бектай, пригоняет отару Танабаю и уходит в город. Танабай Бакасов не мог поступить так же. Он должен был выполнить свои обязательства ради людей, даже таких, как Бектай. Его правда, смысл жизни – в словах, брошенных Бектаю: "Расшибались мы в доску, а не ты. И не жалели. Для вас расшибались. А не расшибались бы, посмотрел бы я, как ты сейчас разговаривал"... И расшибается Танабай, изводит себя работой, мечется еще больше оттого, что не в силах спасти ягнят.

Еще более серьезные раздумья одолевают Танабая: "И вспомнилось ему, как начинали они когда-то колхоз, как обещали народу счастливую жизнь, какие мечты у всех были.... А теперь? Сколько лет уже прошло после войны, а все латаем хозяйство, как старую юрту. В одном месте прикроешь – в другом лезет прореха. Отчего? Отчего же теперь все лезет по швам? А может, ошиблись, не туда пошли, не той дорогой? Нет, не должно быть так, не должно! Дорога была верная. А что тогда? Заплутали? Сбились? Когда и как это случилось? ... Почему так? кого винить за все это?"

А тут новая беда. Нагрянула комиссия из района – районный прокурор Сегизбаев с парторгом Чоро. " - Безобразие!... - возмутился Сегизбаев. –Что же это ты, товарищ, - кивнул он в сторону, куда отнес Танабай мертвых сосунков, - чабан, коммунист, а ягнята дохнут? – А они, наверное, не знают, что я коммунист, - съязвил Танабай, и вдруг будто сломалась в нем какая-то пружина, и сразу пусто стало на душе, безразлично и горько... -Да ты вредитель! – закричал Сегизбаев. –Ты уничтожаешь колхозное добро. Ты враг народа. В тюрьме твое место, а не в партии". Горькая обида затопила душу Танабая, вызвала прозрение. Он вдруг понял, что Сегизбаев – страшный человек, это враг скрытый и поэтому еще более опасный. Такие сегизбаевские громкие слова о долге, необходимости вводили в заблуждение танабаев, и танабай давали липовые обещания, громили старые устои. Враг стоял перед Танабаем, и он, не в силах сдержаться ярость, хватает в руки вилы, чтобы одним ударом уничтожить зло. Он замахивается на прокурора, а бьет Гульсары. "Вилы били ошалевшего коня по голове, отскакивали, звеня, и снова обрушивались на его голову. И в ярости своей не понимал Танабай, почему так судорожно дергается голова Гульсары, почему так рвут удила его красную горячую пасть, почему так растерянно и жутко мелькают перед ним

выпятившиеся из орбит глаза коня". Удары, наносимые по Гульсары, еще большей болью отзываются в Танабае. Прозрев, Танабай в поступках Сегизбаева, как в зеркале, увидел себя. Не выглядел ли он таким Сегизбаевым, когда раскулачивал брата? "Сводный брат его Кулубай – старик уже, до войны отсидел в Сибири семь лет. Сыновья тоже пошли в отца, люто ненавидели Танабая. И с чего бы им любить? Может дети их будут ненавидеть род Танабая. И имеют на то причины. Дело это давнее, а обида у людей живет. Надо ли было так поступать с Кулубаем. Разве не был он просто справным хозяином, середняком? А родство куда денешь? Кулубай от старшей жены, а он от младшей, но у киргизов такие братья считаются единоутробные. Значит, и на родство посягнул, сколько разговоров тогда было. А тогда? Разве не ради колхоза он пошел на это дело? А надо ли было? Раньше сомневался, а после войны думал порой иначе. Не нажил ли лишних врагов – себе и колхозу?"

А теперь он, Танабай, оказался на месте Кулубая, теперь его клеймят "опасным и враждебным элементом". Вот она, расплата, страшная цена которой – презрение односельчан и родных, утрата партбилета (по настоянию Сегизбаева Танабая исключают из партии). Не может Танабай, как и Макар Нагульнов, представить свою жизнь вне партии. На бюро райкома, где решался вопрос, быть или не быть ему в партии, он не сумел, как Нагульнов, стукнуть кулаком по столу и заявить: "... к партии я не ученым хрящем пристал, а сердцем и своей пролитой за партию кровью. Только и сумел произнести Танабай: "Объяснить вам этого не могу. Вот и все, стало быть". Что же случилось с Танабаем, который умел спасти напуганный табун лошадей, как в бой шел на работу, спасая погибшую отару? Слабым оказался Танабай, испугался Сегизбаева? А может быть в поступке Танабая следует видеть как раз не слабость, а силу. Сам себя карает Танабай Бакасов, судит жестоким судом совести за прежние ошибки, за свои "левацкие загибы". Ведь, раскулачивая брата, юрту, он "подрывает тот социализм, жить без которого не может, которому отдал всю свою жизнь [10]. Имеет ли он право считать себя невиновным, если его собственные поступки рождали зло, ненависть, слезы? Нужно оглянуться на прожитую жизнь, понять, в чем причина всех бед, что породило сегизбаевых. Не понимая этого, нельзя наступать. А Танабай пока еще не понимал, как восстановить поправленную справедливость. От этого он оробел, почувствовал себя стариком, "которому осталось только доживать свой век...". И проиграл в борьбе с Сегизбаевым.

Одиноким почувствовал себя Танабай, не увидев и не услышав поддержки ни от кого кроме вступившегося за него комсомольского вожака Керимбекова. Лишь в самом конце повествования, видя перемены к лучшему, много пережив, передумав, приходит Танабай к выводу, что он еще будет нужен партии и народу. И стремится Танабай Бакасов к сыну друга, Самантуру. "Не ровен час помру в пути, как иноходец Гульсары. Должен ты мне помочь... вернуться в партию. Мне немного осталось. Хочу быть тем, чем я был...".

Несмотря ни на что, сумел Танабай остаться человеком, не запятнавшим обидой веру в партию, ее идеалы. Простившись с иноходцем, "шел Танабай по степи, перекинув уздечку через плечо. Слезы стекали по лицу, мочили бороду. Но он не утирал их... . Смотрел сквозь слезы старик на новое утро, на одинокого серого гуся, быстро летящего над предгорьем. Спешил серый гусь, догоняя стаю. –Лети, лети, - прошептал Танабай, - догоняй своих, пока крылья не устали...". Как одинокий старый гусь, Танабай стремится к своим, потому что честность и правда всегда торжествуют,

сооружая преграду перед сегизбаевыми и каштагаевыми, разоблачая карьеристов, очковтирателей, людей, для которых личная выгода выше совести и справедливости, выше веры в человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов М. Главная тема. –М., 1964. –С.313.
2. Лейдерман Л. Движение времени и законы жанра. –Свердловск, 1982. –С.86.
3. Термин М. Бахтина.
4. Марченко А. Заметки о художественном опыте современной прозы //Вопросы литературы. –1974. -№8.
5. Баранов А. Новые дали творчества // Вопросы литературы. –1976. №6.
6. История русского советского романа. Т.2. –М.; -Л., 1965.
7. Кузнецов М.
8. Левченко В. Чингиз Айтматов. –М., 1983. –С.73.
9. Джолдошев Ч. Современная киргизская повесть и проблемы перевода. – Фрунзе, 1981. –С.150.
10. Левченко В. Чингиз Айтматов. –М., 1983. –С.80-81.